

150 мест, конференц-зал на 150 мест, зал для проведения брифингов и переговоров, Интернет-клуб, бар. Новая Центральная библиотека Сургута, по мнению специалистов, является «своеобразным мостом культуры, переброшенным в третье тысячелетие» (20).

1. Югра. 2001. № 4. С. 37.
2. Там же. С. 39.
3. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 20. Л. 3.
4. Там же.
5. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 80. Л. 4.
6. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 23. Д. 17. Л. 61.
7. К победе коммунизма. 1959. 17 июля.
8. К победе коммунизма. 1962. 2 сентября.
9. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 1. Л. 216.
10. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 20. Л. 11.
11. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 42. Л. 13.
12. Сургут в цифрах... С. 97.
13. Там же.
14. Там же.
15. Югра. 1996. № 6. С. 25.
16. Гаврилова Н.Ю. Указ. соч. С. 193.
17. Югра. 1998. № 10. С. 6.
18. Югра. 1996. № 6. С. 25.
19. Сургут. Культура, молодежная политика и спорт... С. 1.
20. Там же. С. 1-2.

Салазникова С.С.
(Нижний Тагил)

К вопросу о морально-нравственном облике Белой Армии

Изучение истории антибольшевистского движения характеризуется сложностью и противоречивостью оценок, суждений, подходов. Советские историки долгое время были поставлены под жесткий идеологический контроль. Содержание монографий и сборников документов определялось главной задачей – дискредитацией политических противников большевизма. Устранение идеологических барьеров привело исследователей к осознанию необходимости более глубокого изучения противоположных сторон, их идеологических платформ, тактики и стратегии военных действий, организации системы управления.

В сознании советского общества на протяжении десятилетий формировался романтический образ гражданской войны, с неперменной атрибутикой «подлинного героизма» и «ореола мученичества» красноармейцев. В действительности война вела к неизбежному огрублению общественных

нравов, что ярко проявлялось «белом» и «красном» лагерях. Самочинные аресты и убийства становились обычным явлением. Адмирал А.В. Колчак в показаниях о периоде своего пребывания в Харбине весной 1918 года свидетельствовал о «всеобщей распущенности офицерства и солдат, которые потеряли всякую меру понятия о чести и долге, об обязательствах, ибо никто не желал ни с кем считаться» (1). По его мнению, «тоже самое было в обществе». Генерал В.Е. Флуг, посетивший Сибирь в 1918 г., также обратил внимание на «моральную распущенность» военных (2). Подтверждают слова «белых» генералов дневниковые записи А. Будберга, датируемые апрелем 1918 г.: «Разные вольные атаманы – Семенов, Орлов, Калмыков - своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, внутреннее содержание их разбойничье, большевистское, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений, поменьше стеснений, работы и обязанностей» (3). С другой стороны, как справедливо отмечал генерал В.Г. Болдырев, «во всех этих отрядах без исключения, наряду с признаками нравственного вырождения было и «своеобразное идейное служение стране» (4).

Армия в условиях гражданской войны получила огромную власть над обществом, что приводило к конфликту военных властных структур с мирным населением. Военные диктовали гражданским свои условия. По свидетельству Центрального областного бюро профессиональных союзов Урала, осенью 1918 г. «местная власть была полностью подчинена военным; число арестованных стремительно увеличилось; поводом для ареста мог стать и донос из-за личных счетов, и задержание для выяснения личности» (5). По заявлению редакторов екатеринбургских газет, военная цензура в данное время была суровее, чем при самодержавии (6).

Советская историография однозначно оценивала проблему соотношения белого и красного террора, считая последний естественной реакцией на действия белого лагеря. В настоящее время данная позиция пересматривается с учетом новых источников и подходов к изучению событий 1918-1922 гг. Так на территории, освобожденной силами сибирской армии от большевиков, объявлялось «военное положение», которое облегчало проявление «политической мести» и увеличивало случаи расстрелов. Произвол военных был оправдан на местах. Мечь стала почти естественной потребностью. Активный участник борьбы против большевиков С. Сванлюнг в своей книге «Человек и чудовище», опубликованной в Лондоне в 1929 г., на примерах из своего боевого опыта раскрыл содержание «политической мести»: «Мы избивали красных, не вникая в отдельных случаях, в то, не совершили ли они какое-либо другое преступление, кроме того, что они были красные» (7). Гражданская война жестока сама по себе и озлобляет население, независимо от принадлежности к политическому лагерю. Разобщенность, взаимная подозрительность и недоверие друг к другу, скрытая вражда внутри белого движения - характерные признаки, объективно способство-

вавшие его поражению. Но и победоносный для советской власти исход гражданской войны не привел к стабилизации общества.

В настоящее время в связи с появлением большого количества ранее не опубликованных архивных материалов и источников личного характера, возможностью их интерпретации с учетом новых методологических концепций встал вопрос о необходимости пересмотреть роль и место антибольшевистского движения в истории гражданской войны. Для формирования нового видения и понимания психологии, сознания, морально-нравственного облика участников «белого» лагеря важно учитывать многоаспектность современной историографии и источниковой базы.

1. Допрос Колчака. Ленинград, 1925. С.141.
2. Флуг В.Е. Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 г. // Архив Русской Революции. В 22-х т. М., 1991. Т.9. С.22.
3. Будберг А. Дневник // Архив Русской Революции. Т.13. С.199.
4. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С.13.
5. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.9.
6. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.8.
7. Сванлюнг С. Человек и чудовище. Лондон, 1929. С.29.

Силантьев Д.В.
(Екатеринбург)

Историки Урала: коллективный портрет

В 2002 г. увидела свет уникальная энциклопедия «Историки Урала», выпущенная Институтом истории и археологии УрО РАН. В книге собраны биографические материалы почти о 400 ученых-историках, живших и творивших на Урале. Это редкий случай, когда вся информация о профессиональном сообществе собрана в одном месте и легко поддается математическому анализу, дающему возможность составить некий обобщенный портрет. Формат энциклопедической статьи не дает нам возможность детально проанализировать жизнь, быт и основные вехи творчества всех ученых, не все данные можно обработать статистически, но все же некоторые обобщенные черты можно вывести. Как источник информации об ученых-историках энциклопедия имеет определенные особенности – на ее страницы попали только наиболее заметные представители ученого сообщества – энциклопедия это срез верхушки корпорации историков, поэтому мы сознательно не будем касаться данных, которые могут оказаться нерепрезентативны. Данное исследование ставит своей целью не интерпретацию данных, а только их фиксацию.